

— В работе над ролью я чужаюсь чтения книг или статей о произведении, которое готовится к постановке. О многих ролях, героях столько написано в разное время, разными людьми, что можно завязнуть в многочисленных осмыслениях и взглядах, а главное, можно отойти от того времени, в котором живешь, и остаться в чужом. Время само редактирует любое произведение, трактует образ. Поэтому я сам свеж, насколько современна вещь, и самая лучшая здесь для меня книга — это жизнь, собственные наблюдения. Наблюдения откладываются в душе человека, если, конечно, она есть у него. Один из признаков бездуховности — это как раз равнодушие, неспособность наблюдать, слепота. Человека создает активное отношение к жизни, способность воспринимать ее глубокий всеохватывающий смысл. Лучшее, что создано в литературе, искусстве, создано тем, кто научился читать «книгу жизни».

Конечно, литература нужна для общего образования, она формирует душу. И здесь очень важно, с чего ты начал ее формировать. На меня произвело сильнейшее впечатление то, что первой книгой, которую прочел Игорь Ильинский в четыре года, были рассказы Льва Толстого. Начать с этого жизни! Первое впечатление — самое сильное. Первая книга, как и первый спектакль, — как первая любовь. Она остается не в памяти, а в душе, в том соединении, которое произошло у тебя со всем окружающим миром, неумиравшим миром. Если эта книга не врет, «не мудрствует лукаво», тогда тебе повезло: ты ступил на тропу, которая ведет в историю человеческого духа. Это главная дорога в жизни, она поможет ответить на самые важные вопросы: что такое я? где я нахожусь? что такое мои поступки и мысли?

— Евгений Алексеевич, согласитесь, что в раннем детстве человек не волен сам выбрать, с чего начать формировать свою душу. Здесь большая ответственность ложится на взрослых, на общество. Ведь душевная пустота, духовные изломы появляются не внезапно.

— Вся моя жизнь — а я родился в год революции — прошла вместе с моей страной. И я наблюдал, как в разные периоды бездуховность угрожала обществу, и как потом она выкорчевывалась, потому что, понимаете ли, есть какие-то тайные силы в человеке, готовые прийти на помощь. Мы постоянно открываем их в себе.

Судьба сложилась так, что я очень поздно начал читать, поздно приобщился к книге в широком смысле — к литературному наследию человечества. Я рос в семье небожников, и это была типичная среда для тогдашней России. С детства слушал сказки, читали же в доме «Жития святых», «Евангелие» — через них шло воспитание, на десяти заповедях.

Когда я впервые прочел «Мать» М. Горького, роман не произвел на меня впечатления. Уже позже, когда стал читать другие книги Горького,

я сам, по-новому открыл и оценил для себя и это произведение. Помню, как ошеломил нас роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Особенно слова: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...». И помню, как потом были заболтаны, затараторены эти восхитительные слова, как прищипывали их к частности, совсем иной по своей сути, как теряли они свой глубокий духовный смысл.

Потом, поздно, я начал читать Пушкина и понял, что «Онегина» можно читать бес-

печно. И в конце концов человек возвращается к этому источнику, ищет его сначала бессознательно, а потом и целенаправленно.

— В этом смысле книгу можно назвать спектаклем, в котором актер — сам читатель? Читая, мы как бы «проигрываем» книгу в своей душе?

— Да. Театр и книга близки друг другу именно этим. Кино можно «крутить» и при пустом зале. Спектакль при пустом зале невозможен, так же, как книга мертва без читателя. Вот почему я убежден, что актер, как и писатель, должен как можно больше, теснее соприкасаться с

Знаете, когда мы ставили на сцене БДТ толстовского «Холстомера», много было разговоров, и некоторых удивляло: как это лошадь — и разговаривает! Внутренне противились, отказывались понимать и, конечно, не понимали гениального приема, когда писатель, освободив себя от причастности к человеческому миру, от человеческих шор, рассказывает об этом мире. Эта условность помогает приблизиться к истине. Искусство должно поражать, открывать нам нас самих. И в нем должна быть та мера условности, которая возвращала бы в безусловность.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ИСТИНЕ

Более тридцати лет играет на сцене Ленинградского Большого драматического академического театра имени М. Горького Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий Евгений Алексеевич Лебедев. Среди наиболее значительных его созданий — Бессеменов в спектакле «Мещане», дед Щукарев в «Поднятой целине», Уи в «Карьере Артуро Уи», Холстомер в «Истории лошади». Он создал яркие образы в таких фильмах, как «В огне брода нет», «Иду на грозу», «Последний месяц осени», и других. С вопроса о том, какое место занимает чтение в его творческой работе, и началась наша беседа.

конечно, потому что он всегда современен. Я окупился в такую красоту! Когда в простом слове, без попутного сора, раскрывается бесконечная глубина, исчезает категория времени. Ну, скажите, разве нет и сегодня среди нас таких: все проживших, познавших, «как денди лондонский» одетых?..

Так же открывал для себя обруганную «есенинщину» — творчество великого русского поэта. Так же, работая над ролью Бессеменова в горьковских «Мещанах», вдруг обнаружил, что Горький вовсе не говорил того, что утверждали литературоведы и театральные критики. Бессеменов никакой не «разрушитель», он просто человек, и его надо понять, чтобы понять жизнь. Я хочу этим сказать, что нет ничего ужаснее для общества, чем официальное ранжирование человека и жизни. Это вело и приводило только к одному — потере самого человека.

— С появлением кино, телевидения возникло опасение, что «погибнет» театр, люди перестанут читать книги. Как вы относитесь к этой проблеме?

— Мы вообще стали мало беседовать, в том числе и с книгой. Оттого, видимо, так распространился эгоцентризм, что нет обмена мыслями, споров, взаимообмена человеческой энергией, чтобы друг с другом, по слову поэта, «как живой с живыми говоря...». Книга и театр создают атмосферу человеческого общения, обмена живой энер-

жизнью. Чтобы душа твоя резонировала, была ранима, как часть огромного, взаимозависимого, взаимообусловленного мира. Тогда ты нужен людям, можешь помочь, научить. Чему может научить литература? По-моему, только одному — как читать жизнь, что истинно, что пустопорожне и губительно. Мне же литература еще и помогает поднять мой профессиональный уровень.

— Какие книги особенно ценны для вас в этом смысле?

— Это те произведения, в которых я встречаюсь с явлением КНИГИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, в которых создана атмосфера, живущая истинными законами мироздания, а не придумками автора. Такая атмосфера меня как бы «принимает». Сейчас нахожусь под огромным впечатлением «Котлована» А. Платонова. Вновь задумался — что же такое искусство? Ведь читаешь, как небывальщину, нереальность, бред, — и в то же время ты все знаешь, все понимаешь! Может быть, оттого, что я пережил все, о чем пишет Платонов, я понимаю, что сильнее, чем он выразил, не выразишь. Платоновская отстраненность, преувеличенность идет от Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Кафки. Он нашел и открыл формулу, вместившую большее, чем можно выразить уравновешенным повествованием. Эта формула помогла ему вместить в эту книгу Книгу его жизни!

АКТЕР И КНИГА

долгое время как бы молчали. Это книги выстраданные, они восполняют для нас историю нашей жизни, возвращают к действительной реальности. Когда мы говорим, глядя на молодых, что они «не такие», как нам хотелось бы, надо отдавать себе отчет, что это мы их «такими» сделали, а не они «сделались». Ложь в литературе и искусстве, сокрытие истины, поделки, правдоподобное ремесленничество, которым мы их питали, дают свои плоды. Почему я придаю такое большое значение первой книге, первым стихам, первому спектаклю? Потому что рано воспринятая фальшь опасна не сразу, но сказывается потом, искривляя, уродуя душу. Это уродство может проявиться и лет через 10—15, но будет поздно. Мы породили инфантильное поколение, оберегая его от труда — и физического и духовного, — и тем самым породили «бессеменовщину», мещанство. Сейчас появились книги, способные вернуть это поколение в целостный и мудрый мир, где человек — разумная часть ранимой природы. Но станут ли эти книги ИХ книгами? Я говорю о таких писателях, как В. Распутин, В. Быков, С. Залыгин, Ч. Айтматов. Как чувствует Чингиз Айтматов! А какой великолепный русский язык! Так вот, воспримет ли омещаненное нами поколение эти книги? Услышит ли?

Я не случайно говорю об этом. Часто встречаешь людей, которые очень много читают, следят за всеми новинками, много об этом говорят. А посмотришь, как живет человек, как поступает, и внутренне вздрагиваешь: «Как же ты такого простого-то не понимаешь!».

Книга должна нести человеку духовное образование — это истинное образование. И прежде всего научат человека любви, миролюбия. В каждом с детства живет стремление к идеалу. Он нужен человеку. Но как создать положительного героя в литературе? Во все времена его стремились создать, но... Мне лично кажется, что лучше всего помогают здесь правдивые, НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕКА. То, что я называю Книгой жизни, которую надо уметь читать каждому художнику. Иначе можно отучить людей от жизни, как можно отучить от запаха настоящего ржаного хлеба.

Беседу вела Татьяна ОРЛОВСКАЯ.

